

УДК 821.133.1.09

Н.Т. ПАХСАРЬЯН,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной литературы филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
(Российская Федерация)*

СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ О КОНЦЕПЦИИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ РОМАНЕ-ДИАЛОГЕ Ж. ДАВИДА

В статье предлагается анализ художественно-филологического романа-диалога Жерома Давида «Призраки Гете: метаморфозы “мировой литературы”» (2011) в контексте современных литературоведческих и литературно-критических дискуссий.

Ключевые слова: мировая литература, литературоведческие термины, Гете, роман-диалог.

Традиционно филологи сетуют – или просто констатируют, что, в отличие от терминов точных наук, литературоведческие термины сложны, многозначны, неустойчивы, порой разноречивы и требуют постоянного переопределения. Однако и в теории и истории литературы есть определенное количество понятий, которые используются если не как аксиоматичные, то все же как вполне определенные в своих параметрах и смыслах. На мой взгляд, одним из таких понятий является Weltliteratur – мировая литература. По крайней мере, в нашем литературоведении, насколько я могла заметить, последние – они же, собственно, практически, первые фундаментальные исследования по проблеме всемирной литературы, относятся к 1980-м годам: это монография В.А. Аветисяна «Гете и проблемы мировой литературы» (1980), на основе которой автор защитил диссертацию в 1987 г., и книга С.В. Тураева «Гете и формирование концепции мировой литературы» (1989). Немногочисленные отдельные статьи по тем или иным аспектам названного понятия, появившиеся позднее названных книг, скорее конкретизируют положения названных работ, чем вносят в их концепции что-то принципиально новое, поэтому позволю себе их не перечислять.

Совсем иначе обстоит дело в западном литературоведении. Здесь вокруг понятия – концепции – состава «мировой литературы» самые горячие споры развернулись как раз на рубеже XX–XXI ст. Как утверждает Дидье Кост, автор рецензии на монографию Ж. Давида, помещенной на сайте «Фабула» [1], происходящий процесс глобализации культуры, литературы, истории заставляет задуматься, можно ли применять и сегодня методы, работавшие в филологии последние 50 лет, какие новые задачи стоят на повестке дня исследователей – и какие традиционные понятия вновь актуальны? Ученый отмечает сильнейшим образом возросший интерес западных литературоведов к понятию «мировая литература», его политическому, этическому и эстетическому содержанию.

При этом французские, точнее, франкоязычные филологи упрекают себя за своего рода отставание в деле проблематизации гетевского термина, поскольку книга профессора Женевского университета Жерома Давида «Призраки Гете: метаморфозы “мировой ли-

тературы"», вышедшая в 2011 году [2] – лишь третий труд на эту тему: первый – известная (и переведенная на русский язык) работа Паскаль Казанова «Мировая республика литературы» (1999) [3], а второй – коллективная монография К. Прадо и Т. Самуайо «Где находится мировая литература?» (2005) [4].

В самом деле, в англоязычном литературоведении исследований на эту тему не просто больше: они фиксируют постоянно ведущиеся дискуссии по поводу названного понятия, его содержания, границ, эволюции, соотношения с другими понятиями и т. п.

Но книга Ж. Давида представляет интерес не просто потому, что подключает франкоязычных литературоведов к актуализации дискуссии вокруг гетевской концепции, она важна и тем, как это осуществляется ученым. Книга состоит из следующих разделов: Пролог – В аэропорту. Часть первая. Космополитизм. Веймар, 1827. Брюссель, 1847. Часть вторая Педагогические идеи. Чикаго, 1911. Петроград, 1918. Часть третья. Ученый спор. Нью-Хейвен через Стамбул, 1952. Нью-Йорк (и Париж). 1999. Эпилог. Франкфурт, 2011. Как пояснил сам Ж. Давид в интервью Лионелю Рюффелю [5], ему предложили написать для издательства «Прэри ординэр» исследование о «мировой литературе». Предложение исходило от издателя Никола Вьейказа, который видел актуальность проблемы, бурно обсуждавшейся англоязычной науке, и предлагал синтезировать имеющиеся точки зрения. Ж. Давид столкнулся с необходимостью найти, как он говорит, верный тон для такого труда: нужен ли такой синтез, кому он будет адресован? Все ли потенциальные читатели осознают важность понятия «всемирная литература»? В результате он решает построить книгу как своего рода филологический диалог (под впечатлением чтения Дидро), пригласить к этому диалогу Франко Моретти – современного критика-марксиста (разумеется, такое приглашение – воображаемое), не просто излагать различные концепции гетевского понятия, пытаясь искусственно синтезировать их, а выявлять проблемные точки этих концепций, размышлять о них в процессе воображаемой дискуссии.

Составленная автором аннотация также представляет собой воображаемый диалог:

– Литературный агент: В двух словах, о чем история?

– Он (т. е. один из собеседников в книге Ж.Д.): Два персонажа спорят об исторических формах употребления понятия «мировая литература».

– Я (т. е. сам Ж.Д.): От Гёте до П. Казанова.

– Литературный агент: Назовите мне несколько ключевых слов.

– Он: О, легко! Речь идет о современных формах гуманизма, об амбициях и страхах, связанных с идущей в течение двух веков глобализацией, об амбивалентности критики самой категории универсальности.

– Литературный агент: А какие еще фигурируют имена?

– Я: Карл Маркс, Эрих Ауэрбах, Эдвард Саид, Дэвид Дэмрош, Франко Моретти. Не считая тех, которые вне контекста ничего вам не скажут (См. текст на обороте обложки).

Монография открывается прологом «В аэропорту», в котором некто (Он) вступает в диалог с автором (Я) по поводу понимания им гетевского термина «Weltliteratur». Три части монографии («Космополитизм», «Педагогические идеи», «Ученый спор») содержат анализ основных вех развития концепта «мировая литература». В первой части в разделе «Веймар, 1827» собеседники анализируют содержание этого понятия у Гете. По мнению Ж. Давида («Я»), термин «Weltliteratur» тесно связан с поэтикой «веймарского классицизма», не случайно писатель использует слово «allgemein» (всеобщий, универсальный), размышляя о культурной интеграции Франции, Англии и Италии и полагая, что Германии необходимо включиться в этот процесс. «Там, где Гёте пишет «allgemeine Literatur», французские переводчики предлагают нам читать «littérature universelle». «Он» выступает за иной перевод – «littérature mondiale» (мировая литература), не видя различия между этими понятиями.

Ж. Давид указывает, что термин «Weltliteratur» не фигурирует в текстах Гёте до 1820-х годов, он лишь постепенно становится необходим Гете в его рефлексии о литературе. Ученый полагает, что смысловым горизонтом понятия «мировая литература» у Гете явился гердеровский термин «человечество» (Humanität). Данное понятие охватывает разнообразие литератур, однако наибольшее значение в этом разнообразии имеет античное искусство. Неверно думать, что Гете до конца понимал и принимал, например, китайскую

литературу, он относился к ней иронически отстраненно, был «пленником гуманистической иллюзии» (с. 49). Рассуждения Гете о «мировой литературе» близки позднему Гердеру, он считал, что различные «просвещенные» круги людей во всем мире, в конце концов, объединятся и будут развивать совместную, общечеловеческую культуру, что ни одна культура не развивается в изоляции.

Собеседники упоминают о концепции Ф. Моретти в связи с уточнением форм взаимодействия различных литератур друг с другом. Итальянский филолог использует для характеристики подобного взаимодействия образ дерева, подчеркивая общий индоевропейский корень у всех культур. Одновременно он прибегает и к метафоре волны, анализируя механизм распространения литературных традиций одной европейской страны на другие.

В разделе «Брюссель, 1847» Ж. Давид обращается к тому толкованию понятия «мировой литературы», которое дает ранний К. Маркс. В «Манифесте коммунистической партии» и в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, рассматривая коммунизм не как реальное положение вещей, а как идеал, по отношению которому реальность находится в состоянии конфронтации, имеют в виду под «человечеством» буржуазное общество. Маркс в «Манифесте» связывает понятие «мировой литературы» и «мирового рынка» и потому трактует это понятие как «совокупность национальных и региональных литератур» (с. 76). При этом ни Маркс, ни Энгельс в своих сочинениях не говорили о качестве литературных произведений, «мировая литература» была для них не нормативной эстетической, а социальной категорией. Поэтому, в отличие от Гёте, различавшего «плохую» и «хорошую» мировую литературу, Маркс обобщенно рассматривает «Weltliteratur» как всестороннее и универсальное явление, выполняющее ту же роль, что и средства массовой информации, и носящее характер «буржуазного космополитизма».

Вторую часть монографии открывает раздел «Чикаго, 1911». В нем собеседники уточняют, как трактовался термин «мировая литература» в работах английского филолога рубежа XIX–XX вв. Ричарда Моултона [6; 7]. Участвуя в программе «расширения университета», Моултон работал в Англии и США и обращался в своих работах к академической и студенческой среде. Для ученого «мировая литература» являлась репрезентацией высоких достижений человеческой цивилизации, воплощенных в творениях Гомера, Еврипида, Вергилия, Шекспира, Милтона, Данте и Гете. С современной точки зрения предложенный Моултоном канон слишком узок. Но этот канон «великих книг» предназначался для курса лекций, служащих введением в историю английской литературы, помогал вписать английскую литературу в контекст других литератур, служил развитию эстетического вкуса. Моултон стремился выработать критерии отбора лучших сочинений «мировой (world) литературы» и дифференцировал это понятие от термина «universal (всеобщая) literature». По Моултону, «всеобщая литература» – это простая сумма всех литературных сочинений, тогда как «мировая литература» для каждой страны – своя, поскольку предполагает отбор лучших сочинений с точки зрения англичанина, японца, американца, француза и т. п. Таким образом, Моултон вводит в понятие «мировой литературы» эстетический и национально-исторический критерии.

В разделе «Петроград, 1918» исследуются идеи российских писателей и ученых послереволюционной эпохи. Одной из важных вех практического воплощения этих идей был проект Горького по изданию серии книг «Библиотека всемирной литературы» (1918), публикация Литературной энциклопедии (1929–1939), учреждение Института мировой литературы в 1936 г. Но еще до этих событий об идее «мировой литературы» говорил Замятин в своей автобиографии, рисуя обстановку в Петрограде 1917–1918 годов. Именно тогда родился амбициозный издательский проект публикации шедевров мировой литературы, доказательством чему служат и записи в дневнике К. Чуковского в ноябре 1918 г. Поэзию в задуманном М. Горьким проекте курировал Николай Гумилев, расстрелянный в 1921 г. В списке примерно из 120 имен писателей наряду с русскими фигурировали английские, немецкие, итальянские и французские авторы. При этом «библиотека всемирной литературы» должна была отличаться от «народной библиотеки», рассчитанной на массового читателя, установкой на публикацию значительных в художественном отношении сочинений.

Под «мировой литературой» понималась такая, которая была создана в той или иной стране, но по своему эстетическому уровню оказалась востребована во всем мире.

В 1930-е гг. выражение «мировая литература» было заменено на сочетание «всемирная литература», по-видимому, чтобы избежать ассоциации с «мировой революцией». На съезде писателей в 1934 г. Карл Радек, выступив с речью «Современная мировая литература и долг пролетарского искусства», говорил о «капиталистической, буржуазной мировой литературе» как об утратившей монополию. Как и Маркс, Радек связывал «мировую литературу» с «мировой буржуазией» и полагал, что «буржуазная мировая литература» утратила свое значение, не отвечает потребностям пролетариата. Советская литература должна была ответить на эти потребности, обращаясь к методу социалистического реализма. Поэтому Радек отрицательно относится к роману Джойса «Улисс», в которой тщательно описаны детали повседневности, но нет героического пафоса и понимания величия революционных преобразований. Таким образом, в 1930-е гг. «мировая литература» оказалась подчиненной идее «мировой революции» и должна была служить этой идее. Кроме того, она, по существу, потеряла смысл мирового явления, распадаясь на «буржуазную» и «революционную».

В третьей части монографии («Ученый спор») дискуссия ведется вокруг концепции «мировой литературы» немецкого филолога Э. Ауэрбаха. Работая в 1930-е гг. в Стамбульском университете, Ауэрбах был сосредоточен на осмыслении европейского канона «мировой литературы», сохраняя дистанцию по отношению к интеллектуальной жизни турецкой столицы. В переписке с В. Беньямином он выказывал беспокойство по поводу разделенности мира на отдельные цивилизации и одновременно – огорчался распространением того варианта модернизации, который «интернационализирует тривиальное», создает своего рода «эсперанто культуры» (с. 151). По мнению «Я», Ауэрбах испытывает ностальгию по гетевскому смыслу *Weltliteratur* и превращает «гуманиста гетевского типа» в идеал, к которому должно стремиться. Переехав в США, Ауэрбах все больше размышляет о «мировой филологии», о том, как воспитать специалиста-гуманитария в духе «исторического гуманизма». Когда в 1969 г. появился перевод на английский язык статьи Ауэрбаха «Филология мировой литературы» [8], сделанный наиболее близким учеником ученого – Э. Саидом, в тексте было сохранен термин «*Weltliteratur*», поскольку в выражении «*world literature*» затушевывался гетевский смысл немецкого термина. Для Гете, полагает Э. Саид вслед за Э. Ауэрбахом, *Weltliteratur* – это «всеобщая, универсальная литература», выражающая единство Человечества, пронизывающая все национальные литературы, но не разрушающая их индивидуальности. В более позднем переводе «Филология и *Weltliteratur*» превратилась в «Филологию мировой (world) литературы». «Он» полагает, что подобная замена правомерна. Однако «Я» возражает, поскольку убежден, что *Weltliteratur* в своем исходном гетевском значении лишено искажающих идеологических коннотаций. Филология мировой литературы по Ауэрбаху ставит вопрос о мировых культурных обменах, поэтому Ж. Давид сожалеет, что этого ученого считают в первую очередь немецким филологом второй трети XX в., тогда как он является для американской литературной науки основоположником компаративистики.

В следующем разделе третьей части книги («Нью-Йорк и Париж, 1999») констатируется всплеск интереса к трактовке «мировой литературы» в 1990–2000-е гг., вызвавший к жизни целый ряд исследований этого понятия. Особый интерес вызывает концепция Дэвида Дэмроша, который в полемике с идеями Ф. Моретти отстаивает правомерность построения образа «своей (my) мировой литературы» [9]. Тем самым Дэмрош подчеркивает, что концепция «мировой литературы» в разные времена и в разных странах наполняется различным содержанием и представляет собой воображаемое, «виртуальное» единство. Ж. Давид полагает, что столь радикальная индивидуализация понятия неверна. Дэмрош предлагает литературе, прежде чем стать мировой, быть региональной. Он исключает из «мировой литературы» бестселлеры, относит их к иному разряду – «глобальной литературы», которая ему неинтересна. «Рыночному реализму» бестселлеров Дэмрош противопоставляет достижения «локальной литературы». По его мнению, большие писатели, даже оторванные от своей страны (например, С. Рушди или О. Памук) и признанные в международном масштабе, связаны со своей культурной родиной (*homeland*). Поэтому «мировая литература» в его трактовке – это воображаемое место встречи локальной литературы со своей культурной «другостью» (*altérité*). Вот почему выпущенная Дэмрошем «Антология

мировой литературы» [10] представляет собой пестрое собрание отрывков произведений различных локальных литератур. Давид же считает, что в современных условиях понятие «родины» (homeland) не имеет универсального смысла, а космополитизм многих писателей сегодняшнего дня не отменяет культурных различий между ними.

К собеседникам присоединяется Франко Моретти, концепция которого наиболее последовательно выражена в его работе «Гипотезы о мировой литературе» [11]. Ученый размышляет в ней о связи рынка и литературных форм, полагает, что необходимо заимствовать у естественных наук дух эксперимента, жестко формулировать проблемы и изыскивать способы их решения. В работе «Атлас европейского романа» [12] Моретти выделяет «три литературные Европы»: центральная включает Францию и Англию, где царит разнообразие романских форм, происходит их создание и стабилизация; средняя (Италия, Испания и Германия) перенимает, присваивает и трансформирует эти формы, иногда радикально; периферийная (Польша, Румыния) импортирует в свою литературу романские формы центра, но, не имея культурных ресурсов для их эстетической трансформации, ограничивается подражанием. Моретти, по его собственным словам, обратился к концепции «мировой литературы» у Гете, чтобы продемонстрировать разрыв между намерениями немецкого писателя и реализацией его идей современными учеными. Ведь сравнительное литературоведение, впоследствии использовать понятие «Weltliteratur», едва освоило европейские литературные связи в течение двух столетий. Причина, возможно, кроется в том, что десятки тысяч текстов находятся вне поля зрения компаративистов. Для Моретти «мировая литература» – не объект, а «мысленный опыт», предполагающий не сосредоточение на отдельных элементах литературного текста (тропы, тематика и т. п.), а «дистанцированное чтение», предполагающее более широкий обзор (с. 230). Причем если понятие «литературы» более или менее устоялось в филологии, то понятие «мира» очень расплывчато. Между тем содержание «мира» меняется: в XVI столетии это Европа и Америка, но не Азия и Африка, в XIX в. «мир» как культурный концепт распадается на Западную Европу и Восточную Европу с Азией, и лишь в конце этого периода наполняется «планетарным содержанием». Но и тогда обмен между литературами происходит на неравных основаниях, о чем, по мнению Моретти, свидетельствует книга П. Казанова «Мировая республика литературы» [3].

В «Эпиплоге», где собеседники оказываются на всемирной книжной ярмарке 2010 г. во Франкфурте, они приходят к выводу о множественности современных трактовок концепции Гете: «Есть классический Гете, рассматривающий мировую литературу как ряд бессмертных произведений, социологический Гете, анализирующий неравный культурный обмен между национальными литературами, Гете-стратег, сосредоточенный на международных аспектах подобного культурного обмена, Гете-компаративист и т. д.» (с. 264).

Очевидно, что спектр имен ученых, обращавшихся к анализу «мировой литературы» в течение нескольких веков, действительно широк и разнообразен, и при этом нам действительно было бы привычнее увидеть последовательный обзор их работ как фундамент для последующего синтеза. Так, собственно, была построена книга Д. Дэмроша «Что такое мировая литература?», в которой при охвате литературы от эпоса «Гильгамеш» до последних сочинений постмодернистов обобщения все же оказались, по мнению критиков, чересчур абстрактны, расплывчаты.

Почему же необычная форма филологического исследования, избранная Ж. Давидом, оказалась более продуктивной?

Как кажется, дело в том, что ее автор осознал чрезвычайно важную вещь: сегодня необходимо переосмыслить категорию «мировой литературы», понять факторы, которые делают ее вновь актуальной, а не механически приложить гетевское понятие к новым фактам культуры.

С этой точки зрения очень выразительно начало диалога в аэропорту между «Я» (Ж. Давидом) и воображаемым собеседником («Он»): когда собеседник обращается к автору с вопросом: «Вы ведь работаете над проблемой мировой литературы?», тот отвечает: «Скажем, я пытаюсь придти к какому-то суждению об этом понятии», что весьма удивляет задавшего вопрос: «Но мне кажется, что все уже сказано. Разве Гёте, великий Гёте не изобрел этот термин и одновременно своим гением не все уже исчерпывающе объяснил?» (с. 9).

Давид напоминает о том, как давно было это «исчерпывающее объяснение» и оглядываясь на публику в аэропорту поясняет: люди читают разное – роман американской нобелевской лауреатки и скандинавский детектив, в киоске стоят рядом книги французских, бразильских, шведских писателей – но нет, например, книг нигерийцев или китайцев. И дело даже не в этом – не в конкретных странах, языках, именах писателей. А в том, что, как замечает Автор, в последние 30 лет изменились способы распространения литературных произведений, а для некоторых это распространение очень сильно ускорилось. Литература стала транснациональной, получив импульс от издателей, стала быстрее пересекать государственные и лингвистические границы. Особенно так бывает, когда писатель получает престижную литературную премию – его переводят, пропагандируют, рецензируют и т. п. Бывает, что сочинение появляется на десятках языков почти одновременно – как книги о Гарри Поттере (с. 10–11).

Собеседник считает, что это не повод пересмотреть понятие «мировой литературы», поскольку, по его мнению, речь идет о коммерческой литературе, «промышленной», как ее называл Ш. Сент-Бев. Естественно, что такая литература подчиняется законам глобального рынка, предлагает обычные товары. Однако для Ж. Давида все не так просто. Оглядываясь вокруг, он видит в аэропортовых киосках стоящих рядом С. Рушди и Марка Леви, Дэвида Лоджа и Пабло Коэльо, Умберто Эко, Гюнтера Грасса, Хосе Сарамбо – то есть в том числе, и писателей высокого калибра.

Рассматривая различные формы современного возвращения к Гете, то есть реактуализации его концепции «мировой литературы», Ж. Давид не случайно уточняет, как трактовал это понятие сам Гете, подчеркивая, что здесь есть много аспектов: Гете-классик рассматривает всемирную литературу как совокупность бессмертных произведений, как некий всеобщий канон; Гете-социолог видит в мировой литературе соотношение различных национальных культур, находящихся на разном уровне у разных народов; Гете-стратег видит в понятии «мировая литература» источник интернационализации литературы и т. п. Вот почему французский ученый полагает, что изучать пространство или систему мировой литературы возможно именно при осознании тех нюансов, которые были заложены в это понятие немецким гением. С точки зрения Ж. Давида, это понятие сегодня часто используют те, кого беспокоит глобализация. Трактуя процесс глобализации как исключительно коммерциализацию, проникновение в сферу литературы рынка, они ссылаются на Гёте, который этого, по их мнению, боялся. Ж. Давид уточняет, что «мировая литература» как проект предполагала у Гёте некое мировое содружество писателей, противостоящих транснациональной посредственности, но это не означало отказа от внимания к тем процессам формирования подобного мирового содружества, которые происходят «внизу», «на полях» литературного пространства. Немецкий классик не мечтал о всемирности, устанавливаемой сверху. Именно это и делает возможным сегодняшнее обращение к его концепции «мировой литературы».

Список использованных источников

1. Coste D. En attendant Charlotte / D. Coste // Acta Fabula. 14 janvier 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ww.fabula.org/revue/document/7416.php
2. David J. Spectres de Goethe. Les métamorphoses de la «littérature mondiale» / Jérôme David. – P.: Les Prairies Ordinaires, 2011. – 320 p. Далее цитаты по этому изданию даны с указанием страниц в скобках.
3. Casanova P. La république mondiale des lettres / Pascale Casanova. – P.: Seuil, 1999. – 504 p.
4. Où est la littérature mondiale? / Chr. Pradeau et T. Samoyault éd. – Saint-Denis: Presses Universitaires de Vincennes, 2005. – 155 p.
5. Prendre soin de la «littérature mondiale», par Lionel Ruffel et Jérôme David / Atelier de théorie littéraire [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.fabula.org/atelier.php?Prendre_soin_de_la_litterature_mondiale
6. Moulton R.G. Address on the University Extension Movement / R.G. Moulton. – Philadelphia: American society for the extension of university teaching, 1890. – 400 p.

7. Moulton R.G. World Literature and its Place in General Culture / R.G. Moulton. – New York: The Macmillan Company, 1911. – 495 p.
8. Auerbach E. Philologie der Weltliteratur / Erich Auerbach // Weltliteratur. Festgabe für Fritz Strich zum 70. Geburtstag / W. Muschg, E. Staiger dir. – Berne: Francke Verlag, 1952. – S. 39–50.
9. Damrosch D. What is World Literature? / David Damrosch. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2003. – 324 p.
10. The Longman Anthology of World Literature / Damrosch D.L. Pike dir. – New York: Pearson Longman, 2004. – 902 p.
11. Moretti F. Conjectures on World Literature / F. Moretti // New Left Review. – 2000. – № 1. – P. 55–67.
12. Moretti F. Atlas du roman européen / F. Moretti. – P.: Seuil, 2000. – 235 p.

У статті пропонується аналіз художньо-філологічного роману-діалогу Жерома Давіда «Примари Гете: метаморфози “світової літератури”» (2011) у контексті сучасних літературознавчих та літературно-критичних дискусій.

Ключові слова: світова література, літературознавчі терміни, Гете, роман-діалог.

In article the analysis of Zherom David's art-philological novel-dialogue «Goethe's Phantoms: metamorphosises of “the world literature”» (2011) is offered in a context of modern literary-critical discussions.

Key words: the world literature, literary terms, Goethe, the novel-dialogue.

Одержано 21.04.2014.